

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Масоны
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465245

Аннотация

«...Погнутые фонари, груды дымящегося щебня, деревья, разбитые в щепы, печные трубы обрушенных домов, как черные клыки. Снаряды версальцев с горячим визгом рвутся над Триумфальной аркой, заваленной мешками. Барельефы в мелкой ряби осколков.

Грохот грозного поединка Франции и Коммуны раскатывается над опустевшим Парижем...»

Иван Созонтович Лукаш

Масоны

Апрельские теплые вечера. Сухой грохот не умолкает над Парижем днем и ночью. Вспышки выстрелов, низкие зарева зловеще бороздят небо.

Нейи уже стало кладбищем. Погнутые фонари, груды дымящегося щебня, деревья, разбитые в щепы, печные трубы обрушенных домов, как черные клыки. Снаряды версальцев с горячим визгом рвутся над Триумфальной аркой, заваленной мешками. Барельефы в мелкой ряби осколков.

Грохот грозного поединка Франции и Коммуны раскатывается над опустевшим Парижем...

29 апреля 1871 года прошел легкий, совсем летний дождь. На Елисейских полях свежо зазеленели конские каштаны, мокрые от дождя. Париж влажно посветлел. Дым канонады огромно и косо висел над мокрыми, в отблесках, крышами.

Батареи версальцев как будто вели с Парижем упорную, мерную игру в бильярд, выбирали лузы, и с грохотом катились туда чугунные шары ударами громадного кия.

С утра у Отель де Билль играла музыка. На площади собрались люди в поношенных высоких цилиндрах, в сюртуках, некоторые с зонтиками. У всех много волос, обширные бороды, на жилетах золотые и серебряные цепочки часов. На площадь, где составлены в козла ружья пикетов Комму-

ны и в ряд стоят легкие пушки, пришли депутаты парижских франкмасонских лож.

С балкона, обитого красным, как подмости на ярмарке, люди в черных сюртуках, опоясанных красными шарфами, комиссары Коммуны, тоже похожие на ярмарочных зазывателей, размахивали руками и больше всего кричали о справедливости и человечестве.

В Париже уже расстреливали толпами заложников, и старые тюрьмы Мазас и Ля Роккет были вповалку забиты арестованными.

После речей люди на площади обнимались, подхватывая друг друга под талии, как на сцене, потом все фальшиво пели «Марсельезу» и фальшиво бряцал оркестр.

Пушки глухо рыли воздух. И оттого, что трясло воздух пушечным гулом, а люди обнимались, говорили пышные речи и нестройно пели, многим на площади было как-то неловко, не по себе.

Потом люди пошли толпой к Елисейским полям. Скоро им стало душно. Запылились высокие цилиндры и сюртуки.

Они шли под знаменами масонских лож. Над мохнатыми цилиндрами качались на шелковых витых шнурах знамена синие, желтые, со странными знаками: улы в пчелиных роях, солнца с крутыми лучами, полуразрушенные колонны, увитые зеленым плющом, руки, соединенные в рукопожатие, молотки каменщиков.

Над людьми, как над стадом, вилась тонкая пыль. Все бы-

ли опоясаны короткими белыми передниками из мягкой кожи, тоже со значками, огненными запятыми, вышитыми зелеными ветками, полушариями, лунами.

Многие опирались на зонтики. По жилетам, через грудь, были выпущены синие, черные, вишневые ленты, очень широкие, с золотым шитьем, и перекинута через шею медная цепочка. На них звенели наугольники. Все было как бы кавалеры необычайного, чудовищно-пышного ордена, а прохожие могли думать, что собралось шествие помешанных: есть такое помешательство, когда люди украшают себя лентами фантастических знаков отличия, лун, солнц.

Это были члены масонских лож «Великого Востока», братья, как они называли себя в ложах, а вел их досточтимый брат-мастер Фирико.

Им было неловко в тяжелых сюртуках, лица накалились от духоты, все осматривались с тревогой: что если хватит снарядом на Елисейских полях. Они боялись за себя.

Потому, что они боялись за себя, они и решили выйти со своими лентами, лунами, наугольниками, ульями. Коммуна охотно позволила небывалую манифестацию: у Коммуны, оказывается, есть такой союзник, как масоны «Великого Востока». Коммуна согласилась и на их переговоры с Версалем, не все ли равно о чем, но такие, чтобы Коммуна осталась, а Версаль куда-то исчез.

Среди этих людей было много богатых парижских торговцев, легко наживавшихся при империи, инженеров и докто-

ров, содержателей кафе и танцевальных зал, адвокатов, чиновников, учителей, виноторговцев, фотографов, фармацевтов, журналистов – всех, кто считал себя почему-то настоящим Парижем, настоящей Францией.

В ложах они привыкли думать о себе, что они умнее других, всего профанского мира, что они сила. Их тешили ленты и наугольники, пускай тайно, но отличающие их от других существ на свете. Их тешило, что они тайная сила, что они знают какую-то особую тайну, хотя это был все тот же маскарад лент и значков.

Среди них было немало так называемых почтенных отцов семейств, расчетливых собственников, немало мелких и жестких мещан, скопидомов, узких до тупости в своих привычках, но все они считали себя революционерами. Они думали, что именно они наследники революции 1789 года.

Слово *революция* они заменили, впрочем, словом *прогресс*. У них все покрывалось и оправдывалось этим механически-мертвым, бесконечным, безостановочным, ужасающе мчащимся куда-то прогрессом. Вся эта Коммуна после осады, голода, поражения, когда Париж сами французы громят пушками, когда в Париже расстреливают заложников и добивают раненых, у них тоже получалась как-то прогрессом, хотя они едва подавляли к ней свое отвращение и страх.

Как многие люди своего времени, они верили только в самое явное, в самое плоское, в легко доступное и легко понятное, особенно во всеобъясняющую будто бы науку, тех-

нику, но больше всего в свои собственные маленькие удобства, в свои маленькие выгоды.

Это и был авангард прогресса, как они себя называли. Прогресс был для них какой-то смесью телеграфа, масонства, железных дорог, социализма и личного их благополучия.

Теперь они взяли свои флаги, ленты, надели наугольники, пахнущие медью, и пошли уговаривать в чем-то Версаль.

Среди своих знамен они несли изъеденное молью знамя первой масонской ложи Франции, «Мизраим» и «Персеверенс» 1790 года, времен крови, когда тупо стучал на помосте нож гильотины и ходил по Франции костлявый террор, сам гражданин Ужас.

«Персеверенсом» и «Мизраимом» они как бы хотели заклясть или заморозить Версаль.

Так они дошли до Триумфальной арки. Дальше кипел белый дым разрывов. Но многие из них, со стягами, стали перелезать через мешки и пушки. Они вышли на авеню Великой армии. Они шли от Коммуны к Версалю: они сила, перед которой должно умолкнуть все...

Версальцы заметили выблискивающие флаги и медь. Огонь стал стихать. Версальцы решили, что Коммуна высылает парламентаров.

И в четыре часа канонада умолкла.

Внезапная тишина стала в Париже, точно все замерло, чутко внимая чему-то. На Елисейских полях шумели кон-

ские каштаны, сырые от утреннего дождя.

Те, кто остался у Триумфальной арки, уверяли, что артиллерией у версальцев командует генерал Монтодон, тоже масон, и «вот видите» – пушки уже умолкли, и «вот увидите» – масоны спасут Францию и прогресс, причем под прогрессом, по-видимому, понималась Коммуна.

С последних укреплений Коммуны трое масонских депутатов пошли к линиям версальцев. Ни выстрела. Молодые офицеры приняли их, четко отдавая честь. Трех депутатов повезли в Версаль.

Там их тоже приняли очень любезно. Все трое говорили пышные речи, не то требовали признания парижских коммунальных прав, не то прекращения огня. Они сами толком не знали, чего требовали и зачем вмешались.

На рассвете их отпустили в Париж. Пыльные и гордые собой – от одного их прикосновения умолкло все – они вернулись к Триумфальной арке, и там, перед тем, как разойтись, снова говорили речи о том, что человечество назовет этот день историческим...

А потом утренний ветер зашумел в каштанах, и в сумраке темного неба вспыхнул первый выстрел, зловещее зарево канонады.

И снова загремели пушки версальцев из Нейи и Аньера, как грозные голоса возмездия, как раскаты смертельного поединка, которого не прервать никому, в котором или Коммуна беспощадно добьет Францию, или Франция беспощад-

но добъет Коммуну.